

Уважаемый десятиклассник!

Задание 1

Предлагаем Вам два произведения. Выберите для анализа одно из них.
Выполните целостный анализ произведения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Алексей Варламов ШАНХАЙ

В студенческие годы Петю Авенисимова звали Петром Шанхайским по неофициальному имени небольшой стеклянной пивной, которая находилась рядом с китайским посольством. Пивная была на вид хлипкая и казалась временной, непонятно как возникшей в благородном районе Мосфильмовских улиц, кремлевской больницы и предместья желтых цэковских особняков. Построили ее назло китайцам за их вторжение на остров Даманский и хотели назвать «Тайванем», но в народе прижилось давно знакомое «Шанхай».

Петя Авенисимов приходил в пивную к самому открытию, занимал круглый столик в левом углу, уставлял его кружками и закусками и так начинал свой университетский день. Забегали знакомые студенты со всех факультетов, здоровались с ним за руку, выпивали кружку пива, наспех закусывали сушеной картошкой и торопились по своим мелким делам, а несуетный Петя никуда не спешил: пивная замещала ему весь прекрасный, громадный и бесполезный университет с его пятнадцатью факультетами.

Иногда нагрузившись пивом по самые плечи, Петя выходил из теплого «Шанхая» на прохладный московский воздух и медленно нес себя, как наливная баржа несет нефть, мимо молчаливого и бессмысленно-огромного здания китайского посольства, построенного в те времена, когда русский с китайцем были навек братьями, а теперь стоящего посреди Москвы, точно покинутый всеми дом. Петя проходил через ботанический сад биологического факультета, миновал главное здание университета с его высоким шпилем и гербом и поднимался на свой хрупкий стеклянный гуманитарный факультет, готовый, казалось, рухнуть под тяжестью его тела. Распространяя запах пива, Петя присутствовал на паре семинаров и тем же путем возвращался в стояк, оставаясь в нем до самого закрытия, а потом еще добавляя на бульваре наискосок от темных посольских окон с кем-нибудь из обитателей общежития на Мичуринском проспекте и часто у них ночуя, чтобы назавтра было недалеко идти до «Шанхая».

Как Петю Шанхайского при таком образе жизни терпели и почему не отчислили из университета, было для всех тайной. Он переходил из группы в группу и с курса на курс, начинал на дневном и продолжал на вечернем, уходил в академический отпуск по состоянию здоровья и восстанавливался. Уже давно закончили университет те, с кем он когда-то поступал, иные из Петиных сокурсников становились преподавателями и чувствовали себя не совсем ловко, встречая его на своих семинарах. Но сам он нимало не смущался, жил в своем ритме, бывших товарищей звал по имени-отчеству и на «вы», уважая их ученость и ум, и без ропота тащил за собой хвосты несданных дисциплин, а

когда его спрашивали на семинарах по истории КПСС про политику партии переходного периода, с трудом приподнимаясь, говорил:

— Ночные декреты советской власти, в котогых Уйянов-Йенин...

Молодежь ржала, а доведенная до слез преподавательница жаловалась в партком, хотя Петя всего-навсего был от рождения картав.

Казалось, сказать что-либо серьезное и не рассмешить других он вообще не мог. С виду малахольный и невозмутимый, Петя Шанхайский иной раз отчебучивал такие штуки, что народ беспокойно вращал головами и смотрел на него, как на московское чудо света, вроде цирка или ВДНХ, а он встречал знаки этого восхищения с достоинством, был со всеми одинаково приветлив и каждого проходящего в «Шанхай» принимал, как принимали в Запорожскую сечь охочекомонных казаков. Не имеющего денег кормил за свой счет, болтливое выслушивал, молчаливого развлекал, темных просвещал, у ученых учился сам. Сколько литров пива выпивал он каждодневно, подсчитать было невозможно, но никогда его не видели пьяным, ни разу не попадал он в вытрезвитель, и ни один милиционер, собирающий дань с курильщиков «Тайваня», не мог застукать его с сигаретой.

В свободное от пивной время Петя занимался тем, что покупал и продавал джинсы, пластинки, батники, японские зонтики «Три слона», женские сапоги из Югославии, стихи Марины Цветаевой, билеты в театр на Таганку и прочий дефицит застойного времени, что и позволяло ему каждый день проводить в «Шанхае» и угощать всех подряд. Он хорошо разбирался в этих товарах и знал им истинную цену, но не это трезвое и точное знание вещей было его сутью. В глубине души Петя был ранимый человек с любовью к товарищам, готовностью все для них отдать и самыми фантастическими проектами в голове. Нежнее всего он вынашивал идею о том, чтобы собраться всем козырным мужикам, уехать куда-нибудь на остров в океане и организовать там свою республику, где не будет никакой фигни, разумея под последней все то, что находилось за пределами пивнухи, причем не в политическом, а в самом высшем, философском смысле слова. Он много размышлял о том, как будет устроена на этом острове жизнь, как будут трудиться днем люди, чтобы добыть себе пропитание, а вечерами собираться у большого костра и говорить о жизни, читать друг другу лекции, обсуждать самые важные вопросы и приходиться к согласию, и порою терял чувство реальности и забывал, где находится.

Уборщица в синем халате, которая на протяжении дня курсировала между туалетом и столиками, выгоняла его из пивной, Петя вывалился на улицу, смотрел на темные посольские окна, куда когда-то давно, когда только поступил в университет, он бросал чернильницы в знак протеста против нападения Китая на Вьетнам, и рассеянно думал о громадной темной стране, давшей миру величайшую философию, подарившей бумагу и порох, а потом культурную революцию, остров Даманский и Мао Цзедуна. Ему очень хотелось поговорить об этом с каким-нибудь живым китайцем и спросить, как это все у них умещается, но ни один китаец в «Шанхай» не заглядывал, и было непонятно: а есть ли они на свете, эти китайцы? Таинственная страна будоражила и притягивала себя к Пете. Он даже пробовал учить ее язык, но дальше иероглифа, изображающего человека, не продвинулся.

Относились к Пете по-разному, иные его уважали, другие считали чудаком и болтуном и презирали, ходили слухи, будто бы он не просто ведет со всеми задушевные разговоры, но стучит, и за это ему разрешают заниматься фарцой, однако сам он ни на кого не обижался, всю хулу принимал со смирением и по-настоящему гордился лишь тем, что имел замечательно большой и выносливый мочевой пузырь и мог не только на спор перепить любого посетителя «Шанхая», но и перестоять его за столом.

Так он всех и перестоял, и университета не закончил, а потом настали времена, когда оказалось, что двоечник и прогульщик, никчемный по большому счету человек, на которого впустую тратило деньги государство, гораздо лучше приспособлен к новой жизни, чем его собеседники и наставники. Мелкая торговля и опыт посреднической деятельности университетских лет внесли Петю Шанхайского в рынок так плавно, как входит в шлюз наливная баржа. Разбогател Петя не вмиг и не наскоком, а постепенно, со свойственной ему солидностью и неспешностью. В бизнесе был несуетлив и осмотрителен, не зарывался, никого не обманывал и не позволял, чтобы обманывали его, счастливо миновал многие напасти диких лет, и вскоре у него было уже несколько магазинов. На него работали сотни человек, он разъезжал по городу на блистающем свежей краской автомобиле «Победа», японской начинкой которого управлял аспирант с философского факультета, специализировавшийся на персонализме Бердяева. Но какие бы концы ни делал Петя, объезжая свои магазины, в пятом часу пополудни он велел везти себя на Воробьевы горы, там оставлял автомобиль и шел пешком мимо главного здания МГУ, мимо ботанического сада и китайского посольства в «Шанхай».

Партнеры Пети удивленно смотрели на убогую пивную, где он назначал им деловые встречи, и относились к Петиному пристрастию как к капризу богатого человека, но для Пети «Шанхай» был чем-то гораздо большим, чем сентиментальное воспоминание. Деньги не сильно изменили его. В душе он оставался таким же добрым и отзывчивым человеком, которому ничего не жаль для своих друзей, — он только не позволял, чтобы его использовали. Он давал без ссуды в долг тем, кто начинал свой бизнес, дарил университету компьютеры, факсы и ксероксы, доплачивал из своего кармана нуждающимся доцентам и кандидатам наук и до слез довел преподавательницу по истории КПСС, которая нищенствовала, после того как специальность ее прикрыли, тем, что назначил ей персональную пенсию. Злые языки, правда, видели в этом особую, изысканную месть и разжигание дьявольского самолюбия, которым Петя якобы тешил себя и брал реванш за презрение, насмешки и упреки в растрате государственных денег и затянувшихся студенческих лет. Но завистники и неудачники были и будут во все времена, и что прислушиваться к их шипению?

Так говорили Пете по-настоящему любившие его люди, но его нежная душа болезненно пережила все несправедливости и колкости, которые эти же люди ему охотно передавали, и чем дальше, тем больше мечталось Пете вернуться во времена, когда он стоял за круглым грязным столиком, прятал от ментов сигарету в рукав и ни одна душа на свете ему ни в чем не завидовала, разве только в том, что он мог пить кружками пиво и не ходить в туалет. Проявления человеческой злобы огорчали Петю. Если бы это было возможно, он купил бы на свои капиталы всю людскую зависть и выбросил ее вон, но с

каждым годом зависти становилось все больше и все реже люди философствовали о жизни, меньше старались ее понять, и Петя не мог уразуметь, есть ли между увеличением одного и уменьшением другого какая-то связь. Ему хотелось это обсудить, но обсудить было не с кем. Люди разучились говорить о жизни так, как говорили они в дни его юности. Если с Петей кто-то и говорил о смысле бытия, то разговоры эти, как правило, сводились к тому, чтобы выпросить у него денег.

Жизнь становилась лучше, а люди хуже, и этого противоречия Петя не мог понять. В молодости он не понимал, что делает плохого, когда продает джинсы, и почему его называют спекулянтом, а теперь ему было обидно то уважение, которым он был окружен. И из-за чего? Из-за денег? Из-за такой малой ерунды, что он стал богат, хотя это не требует ни большого ума, ни великого таланта? Иногда его спрашивали: расскажи, как тебе это удастся? Он разводил руками, он пожимал плечами и смущенно улыбался, как если бы у него спрашивали о чем-то неприличном либо, наоборот, очень естественном. Одни на него смотрели как на хитреца, играющего в простака, другие перед ним заискивали и все думали, что дуракам везет, соображали, как бы его половчее обмануть, — а он все видел насквозь, читал чужие мысли, скорбел душой и все чаще пил в одиночестве. Врачи говорили ему, что пива ему нельзя, лучше пей водку, но что ему водка? — он гнал прочь врачей и гнал свое пиво. Детей у него не было, жены тоже, к женщинам он был равнодушен, ездить на охоту или за границу он не любил — любил лишь вспоминать прошлую жизнь, и если бы мог ее вернуть, то не пожалел бы ничего.

Однажды Петя узнал о том, что «Шанхай» собираются закрыть. Он попытался выкупить пивную у городских властей, но на ликвидации сомнительного заведения настаивало посольство Китая, где с годами становилась все более оживленной жизнь, горело в ночи больше окон, появились первые китайцы. Сначала их было мало, а потом китайские студенты наводнили университет, и мало-помалу продукция с клеймом «Made in China» заволокла российские просторы, как покрывает небо в пасмурный день серая хмарь. Все Петино влияние, все деньги и связи не могли эту поступь остановить. В одну ночь пивную снесли, и место ее стало пусто.

С той поры тоска овладела слабым Петиним сердцем. Обыкновенные развлечения людей его круга ему наскучили, он оставил благотворительность, бросил философию, не выходил из дома, и друзья стали опасаться за его душевное здоровье. Его пробовали развлекать, присылали ему домой красивых женщин с ироническими романами, но ко всему Петя относился, как тот свирепый лев, который полюбил маленькую собачку, а когда она умерла, загрыз тех, кто пытался ее заменить.

Когда ему исполнилось сорок лет, друзья его, желая сделать ему приятное и зная, что отмечать свой юбилей он не станет, позвали Петю в недавно открывшийся загородный ресторан. Ему не хотелось никуда ехать, но звали так настойчиво, что он согласился. Вместо привычной картины уютного зала с накрытыми столами, накрахмаленными скатертями, приборами и официантами Петя увидел тусклый стояк, автоматы, буфетчицу в грязном белом халате, тарелки с пельменями, сосиски в целлофане с консервированным горошком и банки из-под консервированной айвы, заменяющие кружки из грубого стекла. Растерянный именинник неверными шагами направился по грязным лужам на кафельном

полу к автомату, встал в матерящуюся очередь, взял пива, закурил «Приму» и от волнения не заметил, как к нему подошел милиционер в мышинной форме и выписал штраф три рубля. Петя стал искать деньги, разнервничался, руки у него задрожали, сильно забило сердце, и тогда изображавшие очередь статисты исчезли, милиционер отдал честь и подкинул фуражку, а из-за дверей вышли гости, обступили его, чокнулись с Петей толстой посудой и стали желать здоровья и долгих лет жизни. Слезы выступили на его синих глазах и перемешались с улыбкой счастья. Все было очень трогательно и нежно, почти так, как много лет назад. Петя был в ударе, смеялся, шутил и вспоминал прошлое, но в самый разгар праздника, когда полы накрыли коврами, вместо разбавленного «Жигулевского» принесли виски и текилу и подали лангустов, когда появились белые хрустящие скатерти, приборы и красивые женщины в вечерних платьях, заиграла музыка и перед гостями выскочила хорошенькая певица Алсура и стала петь почти без фонограммы, Петя незаметно от всех вышел на улицу и приказал шоферу отвезти его в Шанхай.

— Его закрыли, — сказал философ равнодушно.

— Отвези меня в Шанхай, — повторил Петя и затрясся от бешенства.

Бердяев пожал плечами и отвез его в “Шереметьево” на последний китайский рейс.

В Шанхае было утро и шел теплый дождь. Петя встал под этот дождь, как встают под душ, и пошел по незнакомой улице. Его обгоняли укутанные полиэтиленом люди на велосипедах, обдавали брызгами немецкие «Фольксвагены» и большие автобусы. И везде в них сидели, стояли, толкались, молчали и говорили китайцы. Предместье города сменилось высокими башнями, которые стояли на расстоянии друг от друга и пространство между ними еще не было застроено. Петя перешел по мосту через реку и очутился в колониальной части города. По узким улицам ездили мотоциклисты, в маленьких лавочках предлагали диковинные фрукты, зеленый чай и пиво, в уличных кафе ели палочками кусочки овощей, мяса и рыбы. Петя поднялся на высокую башню, откуда открывался вид на весь город, но из-за тумана ничего не увидел. Этот туман, как непроницаемый купол, висел над всей незнакомой страной. На железнодорожном вокзале, таком огромном, как будто бы все московские вокзалы тут собрались, тысячи китайцев с изумлением глядели на его величественную фигуру, а он глядел на них и поражался тому, как их много и какие разные у них, оказывается, лица.

Потом Петя ехал всю ночь в китайском поезде и смотрел за окно, где лежала большая таинственная страна. В Пекине его кормили уткой и рыбой, наливали зеленый чай из чайника с непомерно длинным носиком, учили есть палочками, возили на Великую китайскую стену, которая тоже была покрыта туманом, показывали Запретный город, дворец императора и площадь, на которой были расстреляны студенты, и новые высотные дома.

А утром его пригласил к себе самый главный китаец. Это был маленький сухонький человек со смеющимися голубыми глазками, и Пете он очень понравился. Он был такой несуетный и ласковый, что Петя стал рассказывать китайцу свою жизнь, про «Шанхай» и про то, что мечтал уехать туда, где не будет фигни, но фигни стало еще больше, и китаец мудро ответил, что фигня находится не вовне, а внутри человека и не

будет ее лишь там, где не будет уже ничего или будет все — в зависимости от личных убеждений каждого.

— Мы знаем, что вам причинили боль, когда отняли вашу маленькую пивную, — сказал китаец на прощание. — Мы всегда считали вас другом нашего народа и хотим подарить вам то, о чем вы мечтали.

Он посадил Петю в свой личный самолет, и через несколько часов полета над океаном внизу показался небольшой остров. Прибой накатывался на песок, на острове росли пальмы и несколько хижин стояло на берегу. Самолет снизился, и Петя увидел друзей, которые были на его сорокалетию, и тех, кто там не был, но когда-то приходил в «Шанхай» и слушал его сказки. Лица их были печальны, они стояли кругом, а посреди этого круга неподвижно лежало его грузное тело, похожее на срезанное дерево с сорока годовыми кольцами в сечении. Пете было очень хорошо, и он не понимал, почему плачут эти люди теперь, когда им удалось достичь заветной земли. Истина ему открылась — та истина, ради которой он потратил столько сил: она была рассыпана по всему этому острову, она была в каждой песчинке, и Петя радостно засмеялся, легко побежал и закричал, что фигни больше нет, но никто его не услышал.

(2004)

Алексей Цветков

ЦИРК

Контрамарка в антракте, и в огненном перце
Темно-бурое небо над пеной пивной.
И опять, на невидимых нитях трапеций,
В нарочитой улыбке, к партнеру спиной.
Вот истошным туманом нейроны окутал
Медногорлый оркестр, и с размаху назад,
В поединке иллюзий, раскрашенных кукол,
С деревянных сидений глядящих под купол
И других, что под куполом чутко скользят.

Тишина, как ребенок, наморщила лобик,
Небывалой жар-птицей расправила хвост.
Мы – одно естество, лицедей и поклонник,
Многорукое тело под куполом звезд.
Вот напрягся один в помешательстве жабьем,
Вот ужимкой ужа изогнулся другой –
Так глядим друг на друга с немим обожаньем,
Кто скамью истирая в убожестве жалком,
Кто, как бог, высоту рассекая дугой.

Здесь годами бок о бок кружат безрассудно
Наши тайные страсти до спазма в кистях.
Мы уйдем до финала – одни от инсульта,
А другие – в опилках ломая костяк.
Мы поднимемся вновь, от Москвы до Ямайки,
Говорливой рекою затопим шатер,
Мы поднимемся вновь, ядовитые маки,
В раскаленных ладонях зажав контрамарки,
Как одно естество – человек и актер.

(1981)

Задание 2

Вы – автор блога. Расскажите, когда и как Вы открыли для себя поэзию, в чем для Вас заключается ценность этого читательского опыта. Проиллюстрируйте свою запись примерами.
(Примерный объем 100 – 150 слов)

Желаем успехов!